

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - ArgentinaSuc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIV Buenos Aires, viernes, 2 de abril de 1982

Буэнос Айрес, пятница, 2 апреля 1982 № 1666

Д. ИНОЗЕМОВ

О СЕКТОРАХ

В двадцатых годах выехавшие российские политические эмигранты не распаковывали чемоданов: очевидно абсурдная система советской власти должна была со дня на день рухнуть. Кое-кто и по сей час на чемоданах живет из тех же соображений. И вот, логике вопреки — все рухнуло, а система стоит. В чем же ее стабильность?

Иван Солоневич утверждает, что проще всего к смене власти приспособляется бюрократ: ему все равно, при каком начальстве штемпель ставить. И от кого жалование получать: без него власть не обойдется — кому-то штемпель ставить все равно нужно. А он ни на что другое не способен. Итак, бюрократия — фактор стабилизирующий для любой существующей власти. Бюрократия инертна в сопротивлении и через непродолжительный срок примет любую перемену, переждав, не вернется ли прежний привычный хозяин; пойдет на службу к любой установившейся власти.

Остаются секторы: кормящий, творческий, управляющий и принуждающий.

Сектор кормящий испокон веков привык рассчитывать только на себя. С него в конечном итоге взымались подати — на войско и руководство, на роскошь и творчество. В любую разруху город шел кормиться в деревню — и деревня кормила, выручала. Советский опыт показал, что деревню можно грабить почти до бесконечности. Выброшенные на погибель в промерзшие болота Сибири раскулаченные, без запасов, без одежды, без жилья, без орудий труда через четверть века объявлялись на рынках, продавая излишки! Вымерли слабейшие; более сильные укрепились, отстроились, отъелись, оделись и, по советским масштабам — разбогатели! Спасибо, что четверть века их считали мертвецами...

Там, где око налоговизмателей не покидало деревню — народ измелялся, отошал, кто мог — разбежался, остальные цепляются за жизнь. Содрано с них много шкур. За спиной глазуновского работяги, пьющего “за ваше здоровье” стакан водки (больше огурца и краюхи хлеба на закуску он не заслужил, больше ватника не заработал) красуются “достижения”: полеты в космос, завоевания в Африке и Азии, “Великая Отечественная”. Не показаны все эксперименты, от хрущевской кукурузы до укрупненных бесхозяйственных совхозов, от непроизводительных гигантских заводов-комбинатов до ненужных и неиспользованных Беломоро-Балтийских каналов, от Днепростроя, погубившего Днепр и не давшего систематического снабже-

ния электроэнергией, до БАМ'а, атомных электростанций, искусственных морей (смерть лесам, нарушение экологического равновесия в огромных масштабах) и гибели рыбного хозяйства. Все это крестьянин на своем горбу вынес, сдавая продналог и остальные шкуры свои... Питаясь воистину чем Бог пошлет, нередко древесной корой и лебедой.

После короткого и далеко не всеобщего опьянения обещаниями рая и справедливости, долго боролся крестьянин с советской властью. Почти весь недобор в населении России идет за счет крестьянства. Только бессловесно оно — не то, что диссиденты: те владеют пером и даром речи, о них мы все слышали на всех языках. За более чем 60 лет уничтожены в крестьянстве все способные на активную борьбу. Именно потому и уничтожены, что неоднократно всячески пытались протестовать, боролись и в одиночку и группами и целыми губерниями. Уничтожены физически на глазах остальных, менее активных, им же на утрашение.

Поверхностный наблюдатель заметит, что по сравнению с довоенной детвора одета более приглядно, иногда даже в яркие невыцветающие синтетические ткани. Да, лучше, чем до войны... И забытые, по пассивности отобранные люди, надеясь на продолжение улучшений, остаются страдать. Пассивно, стабильно...

Вопреки воплям о “пролетарском государстве” — рабочие в России не являются однозначной и монолитной группой. Производство умопомрачительно непроизводительное, на каждого трудягу — три надсмотрщика и два политинструктора; несмотря на сравнительно высокие ставки, несмотря на повсеместные дифирамбы героизму труда — рабочий стремится вон из своего же класса. В руководство. В те же надсмотрщики. Рассматривает свое рабочее положение, как временное и бесправное. Попытки профсоюзного движения (которое, кстати, в России возникло раньше, чем в Польше) подавляются страшно жестоко... и постороннему глазу незаметно. Время показательных процессов прошло. Сейчас, за редким исключением, человек просто исчезает. Расспрашивать про его судьбу “не рекомендуется”.

Творческий элемент держится за свое неверное право на творчество изо всех сил. За право на творчество “в рамках” и связанные с ним привилегии. Выйти из рамок — героизм. Оно сопряжено с потерей права на труд: человек с дипломом не может устроиться работать черноработчим. Не имеют права его и на другую работу принять: “государство наше

НАША ИДЕЯ - СПИЧКА В СУХОМ ЛЕСУ

В наше тревожное время, когда решается дальнейшая судьба всего человечества, хочу поделиться некоторыми отрадными новостями.

Всем, конечно, известно, что 1-го ноября 1981 года произошло прославление всех Новомучеников Российских с Государем Императором Николаем Александровичем и Его Августейшей Семейей во главе. А 5-го ноября, за подписью Ю. Романцова, ньюйоркского корреспондента ТАСС'а, газета “Советская Россия” — третья по тиражу в СССР — опубликовала статью, описывающую этот исторический момент. Статья написана с типичной советской тенденциозностью, но иного и нельзя было ожидать от безбожников. (Надо сказать, что некоторые американские журналисты намного хуже высмеивали не только Зарубежную Церковь, но и светлую память Царя-Мученика). Однако, гораздо важнее отметить всю полезную информацию, которой эта статья снабдила умеющих читать между строк, сочувствующих нам наших поработанных братьев. Например:

“... прибывший из далекой Испании царский родственник Великий Князь Владимир Кириллович”.

“Они (монархисты) по-прежнему занимаются подрывной деятельностью направленной против Советского Союза”.

“...когда сборище монархистов под громким названием Российский имперский союз объявляет сбор средств для тайной засылки в Советский Союз подрывной литературы — это уже контрреволюция”.

Интересна также статья Майкла Биньона, опубликованная 6-го ноября в лондонском “Таймсе”. Это реакция английского репортера, прочитавшего первую статью в Москве. По его словам, монархисты являются настоящей политической угрозой для советской власти.

Ни для кого не секрет, что Советский Союз, (как и вообще все социалистические страны) стоит на пороге экономического и политического кризиса. Никто там давно уже не верит в ложные обещания коммунистических лозунгов. И, как всегда, партийный аппарат стремится удержать свои позиции лишь путем преследования свободной мысли, подавления религиозного возрождения всеобщим террором.

Верится, что уже не за горами тот час, когда наша идея, наша пламенная и неугасающая вера в возрождение великой исторической России воцарится в сердце каждого русского человека и зажжет факел свободы для всех поработанных коммунизмом народов.

Пусть же каждый из нас примет активное участие в борьбе с коммунистическим злом, исполняя свой долг перед нашей великой родиной и ее многострадальным народом.

Г.А.Федоров
Генеральный Секретарь
Российского Имперского
Союза-Ордена

рабоче-крестьянское сколько на вас денег затратило, чтобы из вас инженера (счетовода, художника, врача) сделать, и вы обязаны эти затраты оправдать”. Не работает — тунеядец. “Проработка”, высылка, репрессии. Однако, вопреки всему этому, творческий элемент — наиболее слабое место в стабильности системы. Его — мало, и он часто камуфлируется, уходит из университетов перед самым получением диплома, работает на черной работе, в торговле, где угодно, и творит — часто шедевры — “в стол”. Предпочитаю за 65 рублей в месяц венником махать, чем за 400 стихи про достижения пятилетки под чутким руковод-

ством сочинять”. Все ли способны на такое героизм? Большинство ищет компромиса с властью — более или менее успешно. И происходит естественный отбор ловких и... худших.

Но ключ к стабильности системы — в руководстве и аппарате угнетения. А стабильность последнего коренится в строгой кастовости и связанных с этим привилегиях, в боязни народного возмездия, неподготовленности к другой, кроме принуждающей деятельности. А главное — естественный отбор на подлость: в войска МВД тоже призывают. Парни поначалу уверены, что они охраняют страну от врагов. Причем за время службы повышаются самые жесто-

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

Само по себе, казалось бы, очень похвально, если русский эмигрантский писатель, пишущий преимущественно по-французски, выпускает в свет биографию святого и равноапостольного киевского князя, просветителя нашей земли. Но некоторые сомнения внушают нам уже самое название роскошно изданной книги Владимира Волкова: "Vladimir, le soleil rouge" (Париж, 1981). Традиционный и общепринятый, а главное — точный и правильный перевод прозвища "Красно Солнышко" есть Beau Soleil, что мы и находим во всех французских курсах истории России.

В самом деле, *красный* на старорусском языке означало ведь "прекрасный". *Красна девица* не есть "алая" или "пурпурная" девушка, девушка с розовыми щеками или в платье из кумача; нет, это выражение значит *девица-краса*, или, на более современный лад, "прелестная, очаровательная девушка"; равно как и *Красная Площадь* была "красивая" площадь, а не, скажем, мощеная кирпичем или гранитом. Имя нашему национальному герою, о котором Волков справедливо отмечает, что он — наш король Артур и наш Карл Великий, было, без сомнения, дано сперва дружиной и затем принято народом как раз в смысле "могучий и великодушный государь, проливающий на всех милости, подобно солнцу". Аналогия же с красным по цвету солнцем тут особенно неуместна, поскольку солнце красным бывает зимой, когда оно,

именно, и не греет!

Конечно, важно не название, а суть: передача и оценка исторических событий. Тут тоже возникает известное разочарование: автор почти всюду ни говорит ни наивным, но пленительным языком летописей (хотя на них и базируется в своем рассказе), ни серьезным деловым языком историка.

Вместо того, он избрал себе какой-то игривый, иронический слог à la Voltaire (впрочем, без очарования этого талантливого стилиста), словно бы он трактовал о готтентотах, на коих смотрит свысока... А ведь смешного ничего нету в нравах иной, пусть нам и не всегда понятной эпохи; и наша будет наверняка потомкам забавна своим языком и мышлением!

Утомляет несколько и эрудиция автора (похоже, не столь уж и глубокая; но все время нам назойливо показываемая): он на каждом шагу цитирует то Пушкина, то Достоевского, то Льва Толстого, то даже Бердяева или С. Булгакова, и часто — безо всякой нужды (когда же А. К. Толстого или былины, то это, по крайней мере, более или менее кстати).

Русскому читателю эти 400 страниц (с иллюстрациями, примечаниями и библиографией) дают довольно мало: даже средний интеллигент, нормально, все это знает. Французам, вероятно, содержание будет ново: но во вполне ли подходящем тоне оно подано?

В остальном, направление автора надо признать благонамеренным: он крепко ругает большевиков, противопоставляя Владимира Святославича Владимиру Ильичу, как Владимиру Святых Владимиру Окаянному; указывает заслуги Рюрика рода в создании объединенного и централизованного государства и, главное, важность и положительный характер принятия Русью православия.

Как мы сказали выше, повествование в основном построено на летописях; то, что приводится из свидетельств арабских историков или скандинавских саг, — второстепенно и частью сомнительно. Если бы этот элемент исключить, ничего бы в книге существенно не изменилось.

Остается вопрос, насколько автор сумел проникнуть в дух, чувства и мысли своего героя? И здесь, по правде говоря, у нас создается неуверенность: могучие страсти далекой, но родной нам страны, выросшие из

кне, тупые, властолюбивые и беспринципные... которым вышестоящие родственные души создают все условия для повышения. Чем больше "заговоров" раскрыто, чем больше "шпионов" обнаружено, тем больше чести всей иерархической лестнице вверх. И все делают вид, что этому верят. Поначалу многие искренне верят, что борются с изменой. Когда же понимают всю ложность этих "измен" — и с властью, привилегиями, бездельем, развратом свыклись, ход назад только через мучения, а то и смерть. Правда случаются прозревшие исповедники и среди них. Но система держится на грехах человеческих — властолюбии, честолюбии, жестокости, боязни. На постоянном требовании доказывать свою деятельность, бдительность и необходимость. Палачу нужны жертвы, иначе его должность за ненадобностью упразднят. А куда он денется, если делать ничего почтенного не умеет, и от

населения огражден, отошел давно, народ его ненавидит и боится, и чувствует к нему отвращение? Вот он и создает воображаемые преступления. Иногда — порочно наслаждаясь властью. Иногда (особенно на низших ступенях аппарата) более или менее убеждая самого себя в своей необходимости. Строй защищает его, защищая этим самого себя.

По опыту падения жестоких режимов мы знаем, что весь этот аппарат принуждения полностью переходит на службу к победителю — лишь бы приняли! К кому только ни просились на службу гестаповцы с падением Рейха! Готовые изо всех сил опять ринуться вылавливать крамолу и измену (и предаваться своим, властью обусловленным, порокам и разврату). А за недостатком крамолы — изобретать ее и тем самым создавать более или менее активную оппозицию существующему режиму из близких и родных репрессирован-

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В РОССИИ УВАЖАЮТ "НАШУ СТРАНУ"

Дорогие Господа!

К Вам обращается человек **ПОВИДИМОМУ** глубоко разделяющий Ваши убеждения. Я подчеркнул слово *повидимому* потому что о Ваших убеждениях я знаю со слов других.

Я недавно из Советской России. Проживаю сейчас в ФРГ. В России я много слышал из уст комментаторов радио и телевидения, хулящего Вас. Вас называют: "*Махровский монархический листок*". Так и говорят: *листок*. Даже газетой не хотят назвать.

Это значит, что газета Ваша стоит поперек горла у этих комментаторов. Они борются с ней с экранов телевизоров и по радио. Спрашивается: — зачем? Ответ совершенно ясен. Каким-то образом газета Ваша доходит, пусть до очень немногих, но все же доходит, до читателей России и резонанс от этого огромен.

Здесь на Западе я уже от многих слышал, что молодежь России лояльно относится к существующему режиму. Как это неправильно! Так можно договориться и до того, что польский народ относится тоже лояльно к существующему режиму. Но на лицо-то совершенно обратное. Чтобы сдержать гнев народа в Польше введено военное положение. Правительство воюет против народа.

А разве не военное положение в Советском Союзе? Разве там не введена жесточайшая цензура? Разве там допущены свободные выборы? Там насмешка над выборами. Разве разрешены в Советском Союзе свободные шествия и демонстрации или забастовки? Все это запрещено, как запрещено свободное слово.

Разве это не объявленное без афишировки военное положение?

Для чего же оно? Да все для того же, для чего оно в Польше. Чтобы сдержать гнев народа. А гнев народа велик! СССР — сейчас — пороховой погреб с дымящимся к нему бикфордовым шнуром.

О какой же лояльности может идти речь?

Народ русский ненавидит существующий строй и духовно готов к его свержению.

В СССР я отсидел десять лет в

почвы нашей своеобразной и ни с чем не сходной отчизны, переложенные не только на язык, но и на понятия современной буржуазной Франции, мельчают и бледнеют...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

политических лагерях, дважды отбывал ссылку по пять лет. Заключение в СССР миллионы. Лагерь и тюрьмы переполнены. Психобольницы тоже. Народ озлоблен и негодует.

В этой связи необходимо объединение всего русского зарубежья. В этом огромную роль должна сыграть эмигрантская печать. За рубежом издается много газет и журналов на русском языке. Однако большинство из них захвачены лицами, чуждыми русскому духу. В газете "Русская мысль", например, некий Геллер договорился до того, что в России уже, якобы, и русского языка нет, а есть какой-то советский язык. Некоторые в этой газете договорились даже до того, что и России уже нет, и русского народа тоже.

А Россия-то бессмертна. А русский-то народ живуч и могуч. А язык-то русский — величайший язык в мире! И дух русский, старый русский дух, не только не померк, а возрождается и крепнет.

Россия стоит на пороге изгнания своих поработителей-коммунистов и небывалого расцвета.

В СССР мною написана и издана повесть "Наша юность", несколько рассказов и стихов.

Я приехал из Киева. Я состоял там нелегально в НТС. На собрании нашей группы всегда ставилась на стол склянка с землей из-под Свердловска, с той самой землей, где были преданы огню тела наших великомучеников — членов последней царской семьи.

Перед собранием мы молились за спасение душ этих замученных коммунистическими палачами членов семьи помазанника Божия.

Прибыв в ФРГ я долго наводил справки о "махровом монархическом листке", как называют Вас власти в СССР. И убедился в том, что в России Вы более известны и более уважаемы, чем в зарубежье.

Наконец я узнал Ваш адрес. Однако не знаю условий, как можно подписаться на Вашу газету, как ее получать. И хотя я здесь еще финансово не окреп, я немедленно выписал бы Вашу газету, как только станет известно мне о возможности на нее подписки. Сейчас я даже не знаю, доставляется ли Ваша газета в ФРГ.

Убедительно прошу Вас сообщить мне обо всем этом и выслать на первых порах хотя бы один номер Вашей газеты — пробный.

С искренним уважением

Александр Хахулин

ных.

Немного менее стабильно, как-то вопреки, "руководство", или вернее, его молодняк. Так же, как в предыдущей категории, идет естественный отбор по признаку подлости. Но в отличие от предыдущей, со всеми исходящими отсюда плюсами и минусами, молодняк этот воспитывается сызмальства в привилегиях и достатке, может себе позволить побаловаться либерализмом, имеет более широкий кругозор и доступ к знаниям, профессию "не пыльную, но денежную", блага получает от родителей, а не за "верную службу", в подростковом возрасте по-вальной критики — критикует родителей, их власть и способы прихода к ней. Привычка к привилегиям и удобствам, боязнь их потерять, неразвитая воля и жестокость принуждающей силы чаще всего с возрастом заставляют его возвращаться в порочный родительский круг, заливая

совесть импортным виски.

В касту "руководства" трудно проникнуть и почти невозможно без серьезного урона здраву из нее вырваться. И в массе она стабильна. Раз заведенные штампы преданности партии и заветам Ильича, афишированная агрессивность к капиталистическим правительствам, перманентный экспорт революции — необходимы для получения наград и продвижения. Старая гипнотизирующая система голосования в силе: "Кто против?...Постановили единогласно." Попробуй возразить! Редкий герой-мученик на это идет.

Конечно, это далеко не все предпосылки стабильности системы, но их необходимо особенно учитывать. И необходимо расширить их разбор. В связи с обостряющимся международным положением тема нестабильности заслуживает особого нашего внимания.

Д.ИНОЗЕМОВ

А. МАКРИДИ

МОЯ ЖИЗНЬ

Пока "углублялась революция", мы нашли более приятные и полезные связи, в частности, с самым молодым корпусным преподавателем Мусселушом. Шведское происхождение не помешало ему стать искренним русским патриотом и сразу же, после переворота, возглавить подпольную антикоммунистическую организацию, за что, в возрасте тридцати лет, он лишился жизни. От него мы узнали, что нас нехватает на юге, где началась подготовка к вооруженному выступлению против большевицкой власти. Нам обещали деньги и продовольствие на дорогу, солдатские обмундирование и документы, а так же точные инструкции, как себя вести, что делать и говорить для благополучного достижения еще не захваченного красными Дона, которому позже Марина Цветаева предвещала в истории Белого Движения символическое значение: "и в словаре, задумавшие звуки, за словом "долг" поставят слово ДОН"...

Моей любимой игрой были солдатики. По правилам игры, мною же придуманным, они расставлялись на диване, куда я падал из самодельной катапульты гвоздями, устроившись в противоположном углу, где стоял рояль. Вот, из под этого то рояля я и перенесся без проводочки на настоящее поле сражений, но сам в роли солдатики. Было мне уже пятнадцать лет, сказать, и с половиной. Несмотря на это, отец меня едва ли б отпустил, будь он жив, но мать удержать не смогла, да и как могла? Ведь, я уже почти открыто курил!

К нам двоим присоединился третий курительщик, самый сильный, самый солидный и самый молодой в классе; я был на три месяца старше его, каковым преимуществом, за отсутствием иных, я и гордился высокомерно. Роли распределились легко: "самый" — Портос, полусамый — Атос, ну а я, за изворотливость, получил вакансия Арамиса.

Мобилизационным пунктом послужила наша квартира, откуда, переодевшись, основательно накормленные мы простились с грустной мамой и в потемках направились на Казанский вокзал ловить счастье. Мать напутствовала нас просьбой "быть осторожными". Это на войне-то! Какие, все-таки, женщины наивные...

В последний день, мы получили адрес явки и пароль со строгим наказом зазубрить их, но ни в каком случае, не записывать. Адрес за шестьдесят лет из головы, конечно, вылетел, но пароль запечатлелся в ней на всю жизнь — **ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ**... Несмотря на запрет, мы шепотом его благоговейно повторяли, представляя себе, как первоначальная подозрительность при нашем появлении сменится ликованием после произнесения магических слов; забываемый миг! Мы не ошиблись, и впрямь, миг остался незабываемым.

До Новочеркасска удалось добраться быстрее, чем ожидалось. Грязные, изнуренные недоеданием и бессонницей, но счастливые, без труда нашли по заученному адресу заветную цель. Она сразу обманула нашу пылкую фантазию: воображаемый дворец оказался приземистым, одноэтажным и довольно обширным домом с непроницаемыми окнами и единственной дверью вровень с тротуаром, но под железным навесом, хоть и проржавевшим. Дверь наглухо заперта, дом выглядит необитае-

мым.

Не найдя звонка, мы постучали. Дверь приоткрылась тотчас, но на цепочке. Чубастый казак, не торопясь, сначала оглядел нас с пристрастием, а потом спросил:

— Чего надоть?

— Василий Блаженный! — срывающимся голосом прогудел в щель Атос.

— Нам таких не треба.

Мы растерянно переглянулись. Все рухнуло!..

— Да, что вы за люди будете?

— Кадеты.

— Ну, так бы и сказали! Заходите...

Через несколько дней, нас с двумя сотнями других добровольцев переселили в здание Донского кадетского корпуса, где в большой зале на кадетских кроватях мы и разместились. Днем проходили военное обучение на плацу, вечером несли караульную службу. Формировался очередной, не помню какой по счету, партизанский отряд полковника Семилетова. Полковника мы не видели. Командовал нами есаул Боков, храбрый офицер, но неопытный командир. Никогда позже я не встречал такой пестрой ч стаи; тут оказались вместе, на равном положении, мальчики, вроде нас, и солидные мужички; фронтовики с германской войны и новички, не умевшие стоять спокойно в строю; люди с высшим образованием и полуграмотные. Словом всякой твари по паре. Общего языка не было и добровольцы группировались по закону "естественного отбора".

Настроение наше снизилось, хоть мы в этом друг другу не признавались. В городе царил напряженный. По ночам, караульную службу нести было неуютно; доброволец оставался один на часах в неизвестной обстановке и полной темноте, а вокруг, то тут, то там, иногда совсем близко раздавались выстрелы. Это напоминали о себе вооруженные коммунисты, поджидавшие с севера красную гвардию. Патриотическая романтика тускнела и перешла в унылые будни, полные неопределенности; когда мы начнем воевать, где и как, никто не знал.

Два происшествия, одно за другим, уныние сменили подавленностью и вошли в душу какими-то зловещими тенями. Вечером, перед укладкой, нас всех неожиданно выстроили шпалерами, между которыми прохаживались, нервно совещаясь командиры. Наконец, после команды смирно, есаул Боков, поворачиваясь, то к одной шеренге, то к другой, размахивая руками и подгибая колени, взволнованно стал рассказывать о том, что в наших священных и непорочных рядах обнаружился вор.

— Ситный! Выйди из строя! На середину!

С левого фланга наших священных рядов вышел малечкий, почти карлик, плюгавый человек средних лет с нелепо, как у воробья, торчащей сзади гимнастеркой, длинной не по росту. Восковой от страха, с усилием передвигая онемевшие ноги, он вышел, как было приказано, и стал отвечать на громовые вопросы есаула какой-то неестественной фистулой.

Его преступление состояло в том, что он залез в чей-то сундучек, что-то оттуда вытащил и был с поличным изобличен. Что именно он украл, я не помню, но что-то копееч-

ное. Во всяком случае, гром и молнии гнева, обрушившиеся на ничтожного человека по ничтожному поводу, оправданы не были и всем это было ясно. Самое правильное, было бы снять с ворюшки казенное обмундирование, дать ему две пощечины и выгнать вон. Вместо этого, командир отряда устроил что-то вроде самосуда и утвердил, подказанное им же предложение — "бандита" выпороть. Его и выпороти добровольцы из добровольцев перед строем, полужив на табуретку и спустив штаны. Он не кричал а выл, как животное...

По службе, мне полагалось смотреть, но я не мог и простоял с закрытыми глазами. Незаметно уши заткнул, не придумав — как. И от завыванья, и от шомпольного хлеста, мне казалось, что секут меня. Почти так и получалось: тот же шомпол, другим концом больно ударил по детскому идеализму; с начала наших походов, мы приготовились к любым опасностям, самопожертвованию, чуть не мученичеству, но никак не ожидали, что с первых шагов станем свидетелями тошнотворной глупости. А на войне-то ее, оказывается, больше всего и делается!

Второе, более трагическое и глупое происшествие произошло через несколько дней. Оно уже и не ударило, а ранило всех, но не все пришли в себя от этой раны до выступления на фронт; "тень люциферова крыла" осенила наш отряд еще в тылу.

Мы жили с кадетами под одной крышей, но не общались; они нас не тревожили и нам запретили к ним ходить. Исключением пользовались офицеры, один из которых, молодой подпоручик, в гостях у старшекласников, возился с их винтовкой и не заметив патрона в стволе, разрядил его в живот лучшего кадета предстоявшего выпуска — фельдфебеля Первой роты. На похороны нас не пустили. Под гнетом тяжелых предчувствий, наш отряд обмяк и нравственно к предстоящим боям так и не подготовился.

Подпоручика оставили на свободе; полупьяный, он места себе не находил, подсаживался на койку, то к одному, то к другому и говорил в свое оправдание всякий вздор. Его никто не упрекал, от него просто молча и как-то сконфуженно отворачивались. Через два дня его уволили.

Вскоре, нас погрузили в вагоны и отправили на фронт. Но так только говорилось, а на самом деле, никакого фронта еще не было, как не было и сколько-нибудь регулярных войск, ни на одной стороне. Без оперативных заданий, даже без разведки, лихой есаул повел нас по железной дороге на поиски врага. Наш короткий состав представлял собой типичный шедевр гражданской войны: перед паровозом платформа с защитными мешками, старыми, дырявыми, при каждом толчке терявшими песок, и двумя трехдюймовыми орудиями, направленными вперед и направо. За паровозом несколько вагонов, один из них санитарный. Почти никакой связи с тылом, разбирай сзади рельсы — кто хочет! А желавшие были.

Троих поймали возле какой-то станции. Один из них был местным. После короткого допроса, их повели за большой стог на расстрел. Один вел себя безротно, местный рыдал, припадал, хватался за сапоги, чтобы поцеловать. Его волокли. Третий — пленный мадьяр в форме австрийского унтер-офицера.

Во время Первой мировой войны, мадьяры, по своему значению соответствовали нашим казакам: их боялись. А почему — мы поняли после расстрела пленного, которого разглядывали с тем большим интере-

сом, что мадьяры в плен сдавались редко. Коммунистом унтер, конечно, не был, а помогая советской власти, просто продолжал войну против России. Мы относились к нему по-русски, как к бывшему врагу, а потому даже скорее сочувственно, чем беззлобно. Его вид и поведение не мало этому способствовали. Крупный, квадратный, смуглый красавец с замечательным цветом лица, он и на смерть шел четким военным шагом, с едва приметной улыбкой. Ни тени наигрыша, рисовки мы не заметили. Все было в нем просто и безыскусно. Хоть с трудом, но можно, все-таки объяснить такое самообладание силой воли. Но как этот человек умудрился до последнего момента полностью сохранить свой замечательный румянец, я понять до сих пор не могу...

Не эти, так другие шпионы, свое дело делали и сделали: нам устроили западню и случайно не перебили всех. У станции Должанской, окончившись, нас поджидали латышские стрелки. О них стоит сказать несколько слов. Полки латышских стрелков были гордостью императорской армии и вполне заслуженно пользовались славой одних из лучших частей по дисциплине и боеспособности. Помимо всех качеств, они были еще и снайперами. Революционные беспорядки девятисот пятого года увлекли и латышей, но их восстановление было направлено против господства немецких баронов, что русским правительством принято во внимание не было. Напротив, для усмирения края был послан карательный корпус под командованием генерала немецкого происхождения. Каратели прошли по латышским хуторам огнем и мечем, и натворили много бед, совершенно переменявших настроение, до той поры, вполне лояльного к России населения. Этим немедленно воспользовались революционеры, привлекая в свои ряды наиболее жестоких латышей и за двенадцать лет успевшие превратить их в последовательных и непримиримых врагов национальной России и ее защитников.

Их было не так много, как казалось, но достаточно, чтобы привлечь на сторону советской власти латышских стрелков и повсеместно укрепить отделы чрезвычайки. Деятельность чекистов особенно бросалась в глаза и запомнилась, а поэтому не удивительно, что многие из оставшихся в живых свидетелей революции, до сих пор настаивают на том, что "все латыши были чекистами". Эта жестокая клевета порочит память латышей — добровольцев Белых армий — кровью испулавших позор русских офицеров, служивших в Красной армии. На полях гражданской войны и в чекистских застенках, российских патриотов латышского происхождения погибло не меньше, а больше тех латышей, что их убивали. Но эти герои остались в тени истории; преступники героев всегда заслоняют, такова уж история нашей истории...

(Окончание в следующем номере)

"НАШЕЙ СТРАНЕ"

ОЧЕНЬ ТРУДНО...

В ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ

— ЕЙ ПОМОЧЬ,

ЗАВЕРБОВАВ ХОТЬ ОДНОГО

НОВОГО ПОДПИСЧИКА.

Горем убитый муж А.А. Палладин сообщает о кончине 18 марта 1982 года любимой жены

ЕЛЕНА ИЗЮРЕВИЧ ПАЛЛАДИНОЙ

Похоронена на кладбище Сан Мартин

К ДРУЗЬЯМ

К сожалению я вынуждена обратиться к читателям с еще одним нерадостным сообщением.

Поскольку уже несколько лет назад фактически прервался поток взносов в Фонд Издания Влесовой Книги (в последние времена поступали лишь редкие, спорадические пожертвования) и не удалось собрать нужную сумму для выпуска в свет этого документа, — оное приходится отменить.

Всем тем, кто заявит о своем желании получить обратно внесенную лепту, деньги будут возмещены. Тот, однако, кто найдет возможным оставить свой взнос в Фонде Издательства "Нашей Страны", поможет этим газете в самый трудный момент ее существования: моя болезнь оказалась не только тяжелой, но и затяжной.

Тем же, кто морально, экономически и технически уже поддерживает меня в эти нелегкие месяцы, я приношу мою глубокую благодарность.

ТАТЬЯНА ДУБРОВСКАЯ

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

СРЕДОСТЕНИЕ

По первому пока взгляду, — мне определенно не нравится ощущаемая в мюнхенском "Вече" позиция "правого непредрежденчества" (привлечение — изо всей доновой эмиграции! — Самарина и Михайловского, говорит за себя). Это вот правое непредрежденчество всегда ведь служило, дабы оттянуть от монархического движения возможно больше сил и дабы установить некое средостение между русским народом и монархистами. И недаром И. Л. Солоневич всю жизнь воевал яростно против этого сорта непредрежденчества.

В. Рудинский прав: в альманахе ничего прямо про монархию нет; отчего-бы? А умиления над участью Государя Императора Николая Александровича с Семей, хотя и симпатичны, ни к чему ведь не обязывают: в эмиграции — вещь куда как обычная благочестиво повесить портреты и всем твердить, что нам, конечно, в наши дни, в современной обстанов-

ке и пр., и т. п., о монархии говорить ни в коем случае не надо!

Приумножение непредрежденческих журналов, хотя бы и правых, на мой взгляд, воз ничуть вперед не продвинет...

"Вече", повидимому, левее, чем о. Д. Дудко; а ведь он-то выступал в СССР, а не в эмиграции!

А.Босоволков (США)

МИНА В НАШЕМ ЛАГЕРЕ

Про "Вече" я могу высказаться только отрицательно; оно есть мина, вводимая в монархический лагерь с целью его перевести на непредрежденческие рельсы (что было бы самоубийством...).

Чего стоят все эти разговоры, что у альманахаде, нет монархических сотрудников и он, де, не может их найти (см. разъяснения Н. Вехина в "Нашей Стране" № 1651). Кому же из монархистов предлагали сотрудничать? Не только в первой и второй,

ОПОВЕЩЕНИЕ

После пятнадцати лет заключения в тюрьмах и лагерях Игорь Вячеславович Огурцов этапом доставлен на место ссылки. Состояние его здоровья катастрофическое.

Мы призываем наших соотечественников в России и за рубежом оказать всяческую поддержку замечательному русскому христианскому патриоту Игорю Огурцову.

Ему можно писать письма, открытки, посылать посылки. Помощь также можно оказать и через наш комитет. Его адрес:

КОМИ АССР, Усть-Вымский р-н
поселок Микунь 169060. Огурцову И.В. До востребования.

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА

Gumbinnenstrasse 8
8000 Munich 81.
West Germany

но и в третьей эмиграции есть люди, известные как монархисты: почему бы к ним не обратиться?

И, я совершенно уверен, будь альманах — монархический, и дойди о нем весть в СССР (а дошла бы...), ему бы самиздатскими путями стали бы поступать монархические материалы оттуда. Но... как метко указал В. Рудинский для "Вече" монархия табу (даже само слово это просто демонстративно, подчеркнуто не употребляется в альманахе нигде!).

Так ему и не присылают.

В. Виноградов (Австралия)

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Молодцы аргентинцы, что хотят помогать Сальвадору! Как ужасно, что все это так знакомо и все повторяется: сначала милые повстанцы изображаются как народолюбцы и совсем не левого толка, потом они прямо оказываются в советской орбите, да еще требуют помощи от Америки и снабжают нас бесчисленными легальными и нелегальными беженцами.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И СМЕХ И ГРЕХ...

На советской таможне осматривают багаж выезжающего.

— А это что такое?

— Это не что, а кто — это вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин!

На израильской таможне:

— А это кто такой?

— Это не кто, а что: золотая рама.

Единственное утешение — процесс духовного возрождения, который идет в России.

Н. Сергиенко (США)

ПРОГНОЗЫ РАСТЛИТЕЛЯ

Газете очень часто нет возможности сверить личность в сводках, хрониках или сообщениях, получаемых со вторых рук. Поэтому дополняю заметку "Прогнозы Полянского", напечатанную в "Нашей Стране" 26 февраля 1982 в отделе "Политическая хроника".

Для "Фигаро" Роман Полянский — известный кинорежиссер; поэтому, выходит, интересны его "прогнозы"!

Но для "Фигаро" неинтересно, что этот тип является беглецом от американского правосудия. Свыше года тому назад он изнасиловал 12-ти летнюю девочку, дочь знакомых в их же доме. Родители привлекли его к судебной ответственности. Чтобы избежать верных 25 лет тюрьмы, этот кинорежиссер сомнительного качества бежал из Голливуда в Париж. Печать прогнозы этого проходимца, это все равно, что печатать прогнозы Ал Капоне, Азефа или Джека Потрошителя! Но он принадлежит к категории тех "жрецов искусства", которым благоволит и очень покровительствует всемогущая "медиа" всех стран. Полянский не поляк по национальности, а еврей, рожденный в Польше.

К. Сергеев (США)

НОВАЯ ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С № 1664-го (от 19.3.1982) цена отдельного номера газеты

будет равняться

6000 пэсо.

Сергей Шмид предлагает новые, только что полученные книги:

Собр. Соч. Л. Н. Толстого в 20 томах (первые 8 томов).

Собр. Соч. М. Ю. Лермонтова в 4 томах.

Собр. Соч. Ираклия Андронникова в 3 томах.

Ильф и Петров — "Двенадцать стульев".

Хавронина — "Русский язык в упражнениях для говорящих на испанском языке".

В ближайшее время будут получены:

Собр. Соч. Е. Евтушенки в 2 томах.

Собр. Соч. Мамина-Сибиряка в 6 томах
и книги других известных писателей.

Принимаются личные заказы на книги. Обращаться по адресу:
Av. Corrientes 1710, Piso 6 (esq. Callao), 1042 Capital Federal

Дни и часы: понедельник, среда и суббота с 16.30 до 21.00 часа.
Телефон: 40-8031

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

мимикрия

в с.с.с.р.

Новая книга сотрудницы "Нашей Страны" описывает самое темное время в истории Советского Союза: 1935-1942 г.г.. Она показывает, как русские люди, с разной степенью стойкости, сопротивлялись коммунистической идеологии и пытались оградить от ее влияния себя и своих близких. Книга эта, в некоторой мере, является продолжением "Студентов первой пятилетки" — бывшие студенты теперь инженеры; именно эти люди донесли и сохранили до сегодняшнего дня все, что осталось в СССР нормального: семью, веру в Бога, национальный характер, верность друзьям.

Выписывать из:

Neimanis Buchvertrieb, Bauerstrasse 28, 8000 Muenchen 40
West Germany

или

Mr. B.G. Miller, 83 Baring Road, London SE 12OJS, England

Цена: 30 НМ

322 стр.